

УДК 72 (47+57)''1930''

doi 10.17072/2219-3111-2021-3-127-139

Ссылка для цитирования: *Коньшева Е. В.* «Наша архитектура давно уже приобрела значение мировой»: международные коммуникации Союза советских архитекторов в 1930-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3(54). С. 127–139.

«НАША АРХИТЕКТУРА ДАВНО УЖЕ ПРИОБРЕЛА ЗНАЧЕНИЕ МИРОВОЙ»: МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОММУНИКАЦИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ В 1930-Е ГОДЫ¹

Е. В. Коньшева

Южно-Уральский государственный университет, 454080, Челябинск, пр-т Ленина, 76

e_kon@mail.ru

Researcher ID: AAD-2103-2020

Scopus Author ID: 57194777659

Статья посвящена международным связям советской архитектуры в 1930-е гг. Непосредственным объектом исследования выступают трансграничные коммуникации Союза советских архитекторов. Рассмотрены задачи и формы контактов советских архитекторов с зарубежными коллегами и институтами, роль Союза архитекторов в этом процессе; механизмы взаимодействия с властными инстанциями и тактики профессионального сообщества в условиях регламентации и контроля международных связей; конфликтные узлы государственных и профессиональных интересов. Показано, что Союз архитекторов не выступал в международных связях как самостоятельный действующий субъект, поскольку не имел институциональной самостоятельности в международных коммуникациях, независимости в принятии решений и собственных ресурсов для реализации проектов. Превалировал институциональный характер взаимодействия, личные контакты были минимизированы и включены в коллективные стратегии. Показано также, что международная деятельность Союза архитекторов была частью государственной политики «культурной дипломатии» и имела не только профессиональную, но и пропагандистско-идеологическую составляющую. Властью игнорировались профессиональные мотивы архитектурного сообщества, если они не совпадали с государственными задачами. Демонстрируется, однако, что Союз архитекторов имел собственные тактики и реализовывал свои профессиональные интересы, используя заинтересованность государства в том или ином проекте. В качестве итога представлен тезис о том, что государственная регламентация и тотальный контроль резко сузили возможности трансграничных коммуникаций архитектурного сообщества, исказили их формы и содержание, но не уничтожили. Открытие и изучение новых документов показывает, что миф о культурной автаркии сталинского СССР не подтверждается также и на примере архитектурного поля.

Ключевые слова: Союз советских архитекторов, трансграничные коммуникации, 1930-е гг., государственная регламентация, культурная дипломатия.

Введение

При всем массиве исследований, касающихся советской истории 1930-х гг., трансграничные корпоративные коммуникации изучены лишь в малой степени. Область, связанная с архитектурным сообществом, также мало затронута и историками, и искусствоведами. «Интернациональная» проблематика сконцентрирована в исследованиях авангардной архитектуры 1920-х гг., которая была включена в международный архитектурный процесс, а также в исследованиях архитектуры рубежа 1920 – 1930-х гг. – пика трансграничных трансферов, связанных с потребностями индустриализации. Именно использование западного опыта и непосредственное иностранное участие в советском градостроительстве и архитектуре эпохи первых пятилеток является тем редким аспектом, который к настоящему времени в достаточной мере охвачен российскими и зарубежными исследованиями.

Единственной комплексной работой, сосредоточенной на интернациональном взаимодействии в 1930-е гг., является фундаментальная монография «Градостроительство в тени Сталина...» [Градостроительство..., 2015], однако внимание и здесь фокусируется на зарубежных влияниях и попытках использования западного опыта или акцентируются крупномасштабные

события с участием международных сил, и собственно системная история международных контактов не является предметом исследования. Показательны хронологические рамки, охватывающие в основном период 1929–1935 гг. с акцентировкой событий 1929–1932 гг. Что касается зрелых и поздних 1930-х гг., то международные коммуникации советской архитектуры представлены в исследованиях лишь «островками» отдельных тем. В архитектуроведческих работах преимущественно рассматривается стилевая проблема – западные влияния и их интерпретация в советской архитектурной практике. Прежде всего речь идет об «американизмах» и советских вариациях ар-деко в творчестве конкретных архитекторов и в стилистике объектов. Редкие, причем исключительно зарубежные публикации ставят проблему шире – не одностороннего восприятия, но художественного диалога [Bellat, 2007; Bellat, 2014; Russian Art and the West..., 2007]. Особняком стоит последняя работа Ж.-Л. Коэна, в которой впервые показано все многообразие трансферов в диапазоне от технологий до искусства в широком временном промежутке конца XIX – первой половины XX вв. и продемонстрирована специфика восприятия и интерпретации «американского» [Cohen, 2021]. Внимание уделяется также отдельным резонансным событиям. Прежде всего это многократно проанализированный международный конкурс на проект Дворца Советов 1931 г., а также советское участие во всемирных выставках в контексте мировых трендов, ставшее объектом особенно пристального внимания в последние годы [A History of Russian Exposition..., 2018; Architecture of Great Expositions..., 2015]. Ясно видимой тенденцией стало рассмотрение советских павильонов на Всемирных выставках 1937 и 1939 гг. с точки зрения символической интерпретации архитектурно-художественного языка и визуальной репрезентации «советского» [Udovički-Selb, 2012; Udovički-Selb, 2018; Басс, 2016; Коньшева, 2018b; Коньшева, 2020]. Только в 2010-е гг. самостоятельным предметом исследования стали крупные архитектурные форумы, где профессиональные контакты советского и западного архитектурных сообществ носили непосредственный характер – несостоявшийся IV Конгресс CIAM (Congres Internationaux d'Architecture Moderne – Международный конгресс современной архитектуры) в Москве [Самохина, 2010; Flierl, 2016; Коньшева, 2019], участие советской делегации в XIII Международном конгрессе в Риме [Вяземцева, 2011; Коньшева, 2018], участие западных архитекторов в Первом съезде советских архитекторов в 1937 г. [Hnídková, 2018; Коньшева, 2018a]. В указанных работах впервые была представлена реконструкция событий и показаны основные действующие персонажи, предпринята попытка раскрыть политическую подоплеку процессов и предположить скрытые пружины тех или иных действий и решений.

В целом можно сказать, что исследование трансферов, связанных с советской архитектурой 1930-х гг., представляет собой мозаичную картину без системного анализа. В этой мозаике отсутствует ключевой аспект, который может служить базой для формирования системного взгляда на международные коммуникации советской архитектуры 1930-х гг., – институциональный. На этом поле центральным игроком от архитектурного сообщества выступал Союз советских архитекторов, зарубежные связи которого и являются объектом исследования в данной публикации. Предполагается сконцентрировать внимание на нескольких аспектах: основных задачах и формах взаимодействия с зарубежными коллегами и институциями; тактиках профессионального сообщества в условиях тотальной регламентации международных связей; механизмах взаимодействия с властными инстанциями и факторах конфликта государственного и профессионального интереса.

Хронологические рамки статьи охватывают зрелые и поздние 1930-е гг., формальной отсечкой является момент образования Союза советских архитекторов в июле 1932 г. Не только конкретное событие служит причиной именно такого установления нижней границы, но и более широкий контекст. Образование Союза архитекторов было как частью процесса огосударствления общественных объединений, так и завершающим аккордом институционализации архитектурного творчества в СССР. Кроме того, на переломе первой и второй пятилеток уже фиксировался художественно-образный поворот в советской архитектуре, целенаправленно сворачивалось сотрудничество с зарубежными специалистами, являвшееся важным элементом предшествующего этапа – рубежа 1920–1930-х гг., оформлялась система жесткой государственной регламентации зарубежных связей, сжималось пространство возможностей.

Основную источниковую базу публикации составили документы фондов Союза архитекторов СССР, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (далее –

РГАЛИ) и Всесоюзного общества культурной связи с границей (далее – ВОКС), находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ). Интеграция документов из этих фондов позволяет сплести в единую ткань разрозненные нити событий и фактов.

Винтик системы

Союз советских архитекторов (далее – Союз) уже с момента образования функционировал не как объединение творческих единомышленников (по аналогии с архитектурными группировками 1920-х гг.), но как искусственно созданный конгломерат архитекторов – с разным уровнем квалификации, профессионализма, творческими взглядами, объединенный лишь на политико-идеологическом основании. Де-факто он являлся проводником государственной культурной политики как внутри страны, так и за ее пределами. Международная деятельность Союза была частью внешней культурной экспансии СССР, элементом советской «культурной дипломатии».

В уставе Союза советских архитекторов было зафиксировано участие объединения в международной деятельности: декларировалось, что Союз *«организует и поддерживает связь с иностранными научно-техническими учреждениями и архитектурными обществами и принимает участие в международных съездах, конгрессах, конференциях, организует поездки своих членов для изучения достижений зарубежной архитектуры, техники, обмена опытом»* (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Д. 6. Л. 13). Однако он не выступал в международных связях как самостоятельно действующий субъект. Имея собственные профессиональные мотивы и задачи, он не имел самостоятельности в принятии решений и ресурсов для реализации проектов. Деятельность Союза на международной арене невозможно соотнести с понятием стратегического планирования, это была исключительно тактическая работа в заданных рамках.

Прежде всего Союз не имел институциональной самостоятельности в международных коммуникациях. Международные архитектурные контакты контролировались Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) (Отделом культурно-просветительной работы ЦК ВКП(б)). Если речь шла о международном мероприятии, планировавшемся в СССР, решения о возможности и сроках проведения события, его регламенте, численности иностранных гостей, принимались в Политбюро ЦК ВКП(б) и оформлялись официальными постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Участие советских архитекторов в зарубежных форумах, как и членство советских представителей в международных организациях также санкционировались Политбюро ЦК ВКП(б), и им же утверждались поименный состав делегации, сроки и программа пребывания. На уровне Политбюро международная деятельность Союза архитекторов курировалась персонально Л. М. Кагановичем. Его «патронаж» над советскими архитекторами имел своим истоком руководство Кагановичем (как первым секретарем Московского городского комитета ВКП(б)) архитектурной реконструкции столицы. С этого момента «дорогой Лазарь Моисеевич» стал прямым адресатом коммуникаций Союза архитекторов с высшей властью. Институциональная коммуникация велась преимущественно «по партийной линии» и была сосредоточена в руках секретарей Союза и его «серых кардиналов» – К. С. Алабяна и А. Я. Александрова – одновременно членов ВКП(б) и ключевых персонажей в партгруппе Союза. Можно, безусловно, согласиться с мнением исследователей, которые считают, что за спиной Л. М. Кагановича стоял И. В. Сталин, принимавший участие в решении ключевых вопросов [Селиванова, 2019; Хмельницкий, 2007], в контексте данной статьи – тех, которые касались крупномасштабных мероприятий и объектов, направленных на международную репрезентацию СССР.

Институцией для непосредственной реализации международных проектов Союза архитекторов являлось ВОКС. Надо заметить, что архитектурная секция в ВОКС существовала еще с 1926 г., и в ее члены были включены крупные мастера советской авангардной архитектуры с хорошими связями с западными коллегами: М. Гинзбург, А. А. Веснин, А. К. Буров и др. (ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 12. Д. 335. Л. 23). После образования Союза архитекторов была создана новая секция, и ее основными линиями работы были намечены следующие: *«1) завоевание буржуазной прессы для пропаганды советской архитектуры; 2) организация выставок; 3) поощрение информации из-за границы путем организации докладов признанных иноархитекторов и получение статей и консультаций, помощь в проведении крупных мероприятий, связанных с иноархитекторами (съезды, конгрессы и т.д.); 5) разъяснение для заграницы принципиальных установок и позиций современной советской архитектуры...»* (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1.

Д. 8. Л. 126–127). Как видно из приведенного текста, роль секции ограничивалась в основном «поощрением», «разъяснением», «помощью», обсуждениями и декларациями. Истинными проводниками контактов для архитектурного сообщества выступали «региональные» подразделения ВОКС, прежде всего Западный отдел. Этот факт представляется дополнительным свидетельством включенности международной деятельности Союза архитекторов в более широкую систему международных культурных связей и в решение не узкопрофессиональных, а глобальных задач. ВОКС выполняло не только функцию проводника, но и надзорную, контролирующую и цензурную деятельность в сфере международных связей Союза архитекторов.

Референтура Западного отдела осуществляла сопровождение прибывающих в СССР архитекторов или архитектурных групп, предоставляла помещения, организовывала встречи и давала о них информацию. Исключительно через ВОКС устанавливались связи с зарубежными коллегами и профессиональными объединениями, осуществлялись вся профессиональная переписка, обмен материалами. Именно ВОКС, при согласовании с Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД) СССР, давало положительные или отрицательные заключения об установлении или поддержании отношений с той или иной зарубежной организацией или персоной, а также об участии в том или ином мероприятии.

ВОКС пересылало в Союз письма, приглашения, запросы с переводом на русский язык, как и переводило ответную корреспонденцию. В Союз далеко не всегда поступали подлинники документов или писем, зачастую это были «выжимки», выполненные референтами. ВОКС отслеживало публикации в зарубежной прессе и при необходимости ставило перед Союзом задачу «ответов» и размещало их в лояльных западных изданиях. Оно же выполняло функцию информационного фильтра и могло самостоятельно принимать решение о необходимости передавать ту или иную корреспонденцию. Бюрократический хаос, царивший в ВОКС, приводил к систематическим задержкам в получении писем и материалов. Извинения руководства Союза архитекторов из-за промедлений с ответом – типичная черта писем в адрес зарубежных коллег, как и стандартные оправдания этого болезнью, длительной командировкой, отпуском и т.п.

Взаимодействие с ВОКС осуществлялось руководством Союза архитекторов, а именно К. С. Алабяном и Д. Е. Аркиным, привлекавшим конкретные персоны к подготовке того или иного мероприятия, написанию текстов и т.п. Секретариат Союза являлся звеном, координирующим профессиональную подготовку к международным мероприятиям. Технологию этого процесса можно проследить на примере нескольких крупных мероприятий: зарубежных – Международных архитектурных конгрессов в Риме (1935) и Вашингтоне (1939) – и внутреннего – Первого съезда советских архитекторов, где планировалось участие зарубежных коллег. В оргкомитет мероприятия включались архитекторы с профессиональным и, что важнее, с должностным статусом в Союзе архитекторов или Академии архитектуры – «системная элита». Поименный состав иностранных участников утверждался Политбюро ЦК ВКП(б) на основании списков и кратких характеристик, представлявшихся оргкомитетом и выработанных в процессе долгого отбора. Если речь шла о зарубежном форуме, оргкомитет предлагал докладчиков и согласовывал их в ЦК ВКП(б), персонально с Л. М. Кагановичем. По тому же пути проходило утверждение тем и текстов докладов, которые предварительно многократно рассматривались оргкомитетом на предмет соответствия «идеологической линии». Решение о персональном составе участников было непрозрачным, принималось лично руководителями Союза с учетом, кроме всего прочего, лояльности архитектора руководству Союза и Академии архитектуры. На каждого потенциального участника в ЦК ВКП(б) отправлялась характеристика, где перечислялись статусные должности, участие в деятельности партийных и советских органов, награды. Тематический круг докладов определялся организаторами форумов, однако для советских делегаций обязательными являлись также так называемые «тематические установки», разработанные Оргкомитетом Союза архитекторов и согласованные с Л. М. Кагановичем. Движение документов по вертикали согласований создавало непрерывный бюрократический круговорот, следы которого видны в сотнях докладных записок, прошений, распоряжений и смет, отложившихся в архивных фондах Союза архитекторов и ВОКС.

«Облеченный доверием представитель государства...»

Основными формами регулярного взаимодействия с зарубежными коллегами являлись переписка, прием делегаций и отдельных гостей, обмен профессиональной литературой, тек-

стовыми и фотографическими материалами для публикаций в прессе и выставок. Редкой и нерегулярной формой контактов являлось участие в международных мероприятиях – форумах и выставках.

При этом подчеркивался исключительно институциональный характер международного взаимодействия, и личные стратегии отследить чрезвычайно сложно. В сравнении с 1920-ми или с 1960–1980-ми гг., по итогам которых в личных фондах архитекторов сохранились зарубежная переписка, дневниковые записи, путевые заметки, списки зарубежных адресатов и иные подобные документы, 1930-е гг. – это своеобразный документальный «провал». Данный факт демонстрируют архивные собрания крупных советских архитекторов: Н. Я. Колли, И. В. Жолтовского, К. С. Алабяна, А. В. Щусева, М. Я. Гинзбурга, Б. М. Иофана и др. Личные контакты под давлением цензуры и самоцензуры были сведены к минимуму и носили фрагментарный характер. Причем они были возможны преимущественно в рамках коллективного взаимодействия – при общении с зарубежными делегациями или западными коллегами, официально прибывшими в СССР для участия в мероприятиях Союза архитекторов, или же в зарубежных командировках в составе советских делегаций. Примеры такого рода были малочисленны, и преимущества личного и, главное, непосредственного общения получали архитекторы «старой школы» или мастера советского авангарда 1920-х гг., владевшие иностранными языками, имевшие старые профессиональные связи и известность среди зарубежных коллег. При этом они должны были быть лояльны и встроены в новую систему, как, например, Н. Я. Колли, Б. М. Иофан, В. А. Веснин, И. В. Жолтовский, М. Я. Гинзбург, А. К. Буров, А. В. Щусев.

Вся международная переписка велась исключительно от лица руководства Союза (за подписями, как правило, ответственного секретаря К. С. Алабяна и ученого секретаря Д. Е. Аркина). Письма других архитекторов отправлялись «от лица», или «по поручению», или, по крайней мере, с согласия той или иной институции. В качестве редкого подобного примера можно привести деловую переписку с Ле Корбюзье, которую вели А. А. Веснин и Г. М. Людвиг [Коэн, 2012, с. 242].

Характерен с точки зрения институциональных приоритетов отзыв К. Алабяна о составе делегатов XIII Международного архитектурного конгресса в Риме (1935). С ноткой превосходства он отмечает, что среди 600 участников из 35 стран мираосновной частью являлась «довольно аморфная масса» отдельных архитекторов, не представляющих «никаких организаций или правительственных учреждений» (Архитектурные записки..., 1937, с. 14). В свою очередь, в составе советской делегации была подчеркнута именно институциональная составляющая – исключительно персоны, занимающие ответственные посты (ответственный секретарь оргкомитета Союза К. С. Алабян, члены оргкомитета Союза академики А. В. Щусев и В. А. Веснин, профессора С. Е. Чернышев и Н. Я. Колли, ректор Академии архитектуры М. В. Крюков, профессор Д. Е. Аркин). «Архитектор “является государственным человеком в полном смысле этого слова”, он – “облеченный доверием представитель государства”», – так недвусмысленно формулировал положение и роль советского зодчего Н. Я. Колли в тексте доклада для Римского конгресса (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Д. 18. Л. 5). Именно государство представляли советские архитекторы на международной арене, в том числе декларируя принадлежность к институционализированному профессиональному сообществу, а не к архитектурным мастерским, группировкам, сообществам, что было свойственно не только западной, но и отечественной практике транснационального взаимодействия 1900–1920-х гг.

Взаимный интерес

В своей международной деятельности Союз советских архитекторов декларировал два ключевых аспекта: во-первых, изучение западной практики и обмен опытом, во-вторых, пропаганду достижений советской архитектуры за рубежом. Д. Е. Аркин, ученый секретарь Союза, формулировал эти задачи так: «...Укрепление связи с передовыми течениями архитектурной мысли на Западе, широкая популяризация за рубежом достижений нашей архитектуры, ее идей, ее практических работ, ее методов, отдельных проблем, встающих перед нею, обмен опытом с зарубежной архитектурой – все это составило и составляет содержание международной работы Союза советских архитекторов...» (РГАЛИ. Ф. 2606. Оп. 1. Д. 8. Л. 55). В сравнении с 1920-ми – началом 1930-х гг., когда акцентировался тезис изучения и заимствования западного опыта, в зрелые 1930-е гг. в публичном дискурсе преобладал второй аспект –

пропагандистский. Это демонстрирует даже лексическая трансформация в формулировках задач архитектурной секции ВОКС. Нейтральная «организация сотрудничества» сменилась в 1932 г. агрессивно-напористыми «завоеванием» и «пропагандой».

Публичная риторика выражала претензию на безусловное превосходство советской архитектуры. Отчетный текст К. Алабяна по поводу участия советских архитекторов в Римском конгрессе 1935 г. строился весьма характерно: «*мы представили...*», «*мы выступали...*», «*мы развернули...*» и как результат всего этого – «*громадное впечатление...*», «*исключительное внимание...*», «*громадный резонанс...*». Резюмируя результаты участия советской делегации в конгрессе, он пафосно заявлял: «*...в течение всей нашей поездки... над всеми разнообразными впечатлениями, которые мы получили, доминировала одна мысль – сознание огромного идейного превосходства нашей социалистической культуры над всеми другими культурами...*» (Архитектурные записки..., 1937, с. 9).

Этот пример показывает, как вырабатывались корпоративные тактики в рамках системы. Обосновывая необходимость участия в том или ином зарубежном мероприятии и имея свой интерес, профессиональное сообщество использовало риторическую аргументацию, адекватную властным представлениям – с подчеркнутой идеологической составляющей. Эта трансформация профессионального архитектурного языка в сторону идеологизированной риторики была уже ранее отмечена Х. Хадсоном [Hudson, 1994]. Так, продвигая идею поездки советских архитекторов в Рим, К. Алабян подчеркивал, что «*на этом Конгрессе, в котором примут участие почти все страны мира, советская делегация имеет возможность выступить с очень сильным материалом, который произведет впечатление на весь архитектурный мир Запада*» и это «*может дать большой политический эффект*» (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 11. Л. 19–20). Подобная аргументация использовалась и в докладной записке К. Алабяна, где он пытался заставить власть изменить решение об отмене московского конгресса СИАМ в 1933 г.: «*Советская архитектура на этом конгрессе сможет выступить с законченными идеологическими теоретическими установками и с показом ряда работ в плане реализации этих установок*» (ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 12. Д. 190. Л. 4).

Риторика противопоставления/превосходства касательно западной архитектуры отнюдь не мешала иной, прагматической, задаче – поддержанию контактов с зарубежными коллегами. К. С. Алабян признал «одним из ценных итогов» участия советской делегации в Римском конгрессе то, что «*международные связи советских архитекторов чрезвычайно расширились и углубились*» и «*удалось установить непосредственный контакт с целым рядом архитектурных ассоциаций и институтов*» (Архитектурные записки..., 1937, с. 7). Расходящиеся стилевые векторы советской и западной архитектуры ни в коем случае не должны были стать причиной международной изоляции и отказа от позиционирования советской архитектуры как мирового центра притяжения, и в этом абсолютно совпадали интересы и профессионального сообщества, и государства. Большую озабоченность руководства Союза вызывало то, что «*современный курс советской архитектуры на освоение культурного наследства, на углубленную разработку эстетических сторон архитектуры... воспринимается в некоторых архитектурных кругах Запада неправильно или извращенно*». Подобные настроения воспринимались как крайне нежелательные, а разъяснение «принципиальных установок и позиций современной советской архитектуры» признавалось одной из важнейших задач (ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 12. Д. 190. Л. 30). Это обусловило несовпадение антимодернистского дискурса внутри страны и практик Союза во взаимоотношениях с зарубежными коллегами. Союз не упускал возможности коммуникаций ни с традиционалистским, ни с авангардным крылом европейской архитектуры, формируя максимально широкий круг симпатизантов.

Показательны принципы приглашения иностранных коллег на Первый съезд советских архитекторов. Прежде всего это «наиболее выдающиеся мастера» и фигуры с каким-либо значимым официальным статусом, даже если их стилевые предпочтения оказывались далеки от нового пути советской архитектуры. Критерий, работавший в иных случаях, – социально-политическая близость и активные связи с СССР, также вне взаимосвязи со стилевым лицом. Амбиции были сформулированы внятно: «*Первый съезд будет иметь значение выдающегося события в международном масштабе... Наша архитектура... давно уже приобрела значение архитектуры мировой – по тому громадному резонансу, который она вызывает в архитек-*

турном творчестве всего мира. Международное значение съезда советских архитекторов... усугубляется еще тем обстоятельством, что в работах самого съезда примет непосредственное участие целый ряд выдающихся мастеров западной архитектуры...» (Перед Всесоюзным съездом, 1936, с. 3). В предварительных списках представлен широкий круг адептов модернистской архитектуры: Ле Корбюзье, Р. Малле-Стевен, П. Ауд, В. Гропиус, Л. Мисван дер Роэ, Л. Гильберсеймер, Б. и М. Тауты, Э. Мендельсон, А. Аалто и др. В то же время отдавалась дань Ф. Л. Райту, А. ван де Вельде, П. Беренсу, Э. Сааринену, Р. Эстбергу, Г. Тессену, Г. Пёльцигу и другим представителям многообразного внемодернистского спектра первых десятилетий XX в., вплоть до откровенных традиционалистов и мастеров «академического направления» (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 22). Заметим, что конфликт с CIAM по поводу результатов конкурса на проект Дворца Советов и не состоявшегося в 1933 г. IV (Московского) Конгресса CIAM не сыграл в подборе фигур никакой отрицательной роли: среди приглашенных желали видеть руководителей этой международной организации З. Гидиона, К. ван Эстерна, К. Мозера. Также была проигнорирована и безудержная критика Ле Корбюзье и его «подражателей» в советской профессиональной прессе. Более того, в 1935 г. Ле Корбюзье было предложено дать согласие на избрание членом-корреспондентом Академии архитектуры СССР [Козн, 2012, с. 246]. Главный архитектурный журнал страны – «Архитектура СССР» – опубликовал тексты таких мастеров «новой архитектуры», как П. Ауда, Р. Малле-Стевена, В. Буржуа, А. Люрсаи др. По случаю начала издания «Архитектурной газеты» (ноябрь – декабрь 1934 г.) редакция рассылала письма крупным западным архитекторам с просьбой о «нескольких дружеских словах», в том числе авторитетным фигурам архитектурного авангарда П. Ауду и К. Мозеру (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Д. 14. Л. 28–36). Предоставляя фото советских архитектурных объектов для публикации в зарубежных изданиях или участия выставочных проектах, руководство Союза не отказывалось от авангардных объектов, прекрасно понимая, что именно они создают «передовой» имидж советской архитектуры на Западе (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 10. Л. 78–83; Д. 21. Л. 88–88 об.)

Союз архитекторов в своей международной коммуникации оказался в идеологической ловушке. С одной стороны, западное архитектурное сообщество разделялось советскими идеологами на «правые», реакционные, академические группировки и на «левую» архитектуру, которая «все настойчивее устремляется к идеям и опыту советской архитектуры, а вместе с ней – и ко всей культуре страны, строящей социализм». В этих условиях «важнейшей задачей» Союза архитекторов провозглашалось «усиление связей с передовыми течениями Запада» (РГАЛИ. Ф. 2606. Оп. 1. Д. 8. Л. 55). С другой стороны, «левой» являлась именно авангардная архитектура, подвергавшаяся яростной критике внутри СССР. Решая задачи пропаганды советской архитектуры за рубежом, Союз архитекторов выбрал не стилевую, а идеологическую близость западных коллег, опираясь в продвижении своих интересов на «левые» журналы (прежде всего французский *L'Architecture d'aujourd'hui* («Современная архитектура»)) и «левых» творцов, лояльных СССР, хотя и чуждых стилистически (А. Люрса, Х. Майер, П. Ваго, Ф. Журден, Э. Хайберги др.). Эти мастера оправдывали доверие и демонстрировали свою поддержку, в том числе и комплиментарными публикациями о советской архитектуре в западной прессе. Показательно в связи с этим, что членами архитектурной секции ВОКС были назначены бывшие конструктивисты (М. Я. Гинзбург, Д. Ф. Фридман, Р. Я. Хигер), как и архитектурный критик, блестящий знаток западной архитектуры Д. Е. Аркин, т.е. те, кто мог разговаривать на адекватном языке с западными функционалистами и был им известен (РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Д. 8. Л. 126).

Упущенные возможности

Союз архитекторов имел достаточное представление о планировавшихся зарубежных форумах, организуемых крупными международными ассоциациями: Международной федерацией жилищного дела и планировки городов (*International Federation for Housing and Town Planning* (IFHP)), Международным конгрессом современной архитектуры (CIAM), Постоянным международным комитетом архитекторов (*Comite Permanent International d'Architectes* (CPIA)), Международным совещанием архитекторов (*Reunions International es d'Architectes* (RIA)). Информация подобного рода получалась Союзом не только путем мониторинга западной профессиональной прессы, но прежде всего через приглашения, присылаемые от лица организаторов с предложением об участии. Союз был открыт к подобному сотрудничеству и заинтересован в

нем, все поступающие предложения обсуждались, и на все давался положительный ответ. Однако в подавляющем большинстве случаев советские делегации не приняли участия в престижных форумах. Исключением стали лишь упомянутые выше XIII Международный архитектурный конгресс в Риме (1935) и планировавшееся участие в XV Конгрессе СРІА в Нью-Йорке (1939). В целом перечень десятков международных мероприятий 1930-х гг., к участию в которых приглашались советские архитекторы, – это список упущенных возможностей, поскольку он наглядно демонстрирует существовавший потенциал для интеграции советской архитектуры в актуальный мировой архитектурно-градостроительный процесс.

Этот потенциал не был реализован из-за конфликта профессиональных и государственных задач. Профессиональные мотивы предсказуемо игнорировались в случае их несоответствия государственным интересам или возможностям в данный конкретный момент времени. Советское государство было ориентировано на международные проекты, которые могли дать максимальный резонанс с точки зрения пропаганды успехов СССР, и просчитывало соразмерность валютных трат политическим дивидендам.

Именно необходимость валютных расходов регулярно лишала Союз архитекторов перспектив участия в зарубежных мероприятиях и зарубежных командировок, связанных с изучением западного опыта и установлением контактов с западными коллегами. Перспективы крупных финансовых трат были, вероятно, главной причиной отказа от реализации крупных международных проектов, инициируемых СССР, даже несмотря на пропагандистский потенциал. Речь идет, например, о Первом международном Конгрессе по жилищному строительству и планировке городов (предполагавшемся альтернативой IV конгрессу СІАМ) и о передвижной выставке «Социалистическая реконструкция городов СССР» в европейских странах, подготовка к которым велась в конце 1932–1933 гг. (ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 212; Оп. 12. Д. 46). Наиболее крупной «жертвой» конфликта государственных и профессиональных интересов можно назвать планировавшийся в Москве IV Съезд СІАМ «Функциональный город» (1933). Многомесячная эпопея с его организацией показала, с одной стороны, ведущую роль политической составляющей в организации мероприятия, с другой – как заинтересованность власти в международном мероприятии превращала его из корпоративного проекта в государственный и как это влекло за собой бюрократизацию процесса и выхолащивание собственно профессиональной составляющей. И, наконец, с третьей стороны, продемонстрировала, что роль только технического организатора и инвестора в «чужом» проекте, а не бенефициара пропагандистских выгод не устраивает советскую сторону и ведет к утрате интереса к мероприятию и отказу от его финансирования [Flierl, 2016; Коньшева, 2019].

«Окно возможностей» для активизации международных связей приоткрылось только в 1935–1936 гг., в условиях внутренней стабилизации режима и внешнеполитических претензий на расширение «экспансии влияния». Советские архитекторы не только приняли участие в XIII Конгрессе СРІА в Риме, но и получили возможность поездки в Париж, где была проведена целая серия встреч с участием широкого круга французских архитекторов (Архитектурные записки..., 1937, с. 171 – 175), а также получили возможность длительной экскурсии по европейским странам, с последующим широким освещением ее в профессиональной прессе.

С точки зрения государства альтернативой затратным международным проектам был путь приглашения лояльных иностранных гостей на крупные советские форумы, что должно было придать этим мероприятиям международное значение. В 1934 г. появился «типовой образец» – Первый съезд советских писателей, а затем по его лекалам был проведен Первый съезд советских архитекторов (1937). Однако оба этих съезда продемонстрировали отсутствие потенциала превращения советских мероприятий «с международным участием» в действительно резонансные международные события. Это было предопределено прежде всего их исключительно «внутренней», периферийной для западного мира, идеологизированной повесткой и ориентиром не на «рабочий» форум, нацеленный на поиск решения актуальных профессиональных задач, а на репрезентативное мероприятие. Кроме этого, роль играла тотальная зависимость от решений высшей власти, исходившей исключительно из своих экономических и политических соображений, не соотносящихся с ситуацией в рамках конкретного профессионального поля. Так, сроки съезда архитекторов несколько раз переносились на протяжении 1935–1937 гг. решениями Политбюро ЦК ВКП(б) и, в конце концов, были определены так, что

они смыкались с проходившими в Париже в июне–июле 1937 г. XIV Конгрессом СРПА, IV Международным совещанием архитекторов (RIA) и V конгрессом CIAM. Именно Париж, еще и с учетом проходившей в это время Всемирной выставки, стал центром притяжения архитектурно-художественных сил. Советские архитекторы не попали ни на один из названных конгрессов, а съезд не получил резонанса за рубежом, оставшись в тени парижских событий.

Заключение

Вслед за другими культурными сферами архитектурный сегмент также участвует в развенчании мифа о культурной автаркии СССР в 1930-е гг., дополняя картину, ранее сформированную на основе иных профессиональных полей, например литераторов и интеллектуалов [Кларк, 2018]. Жесткая государственная регламентация и тотальный контроль резко сузили возможности трансграничных коммуникаций архитектурного сообщества, исказили их формы и содержание, но не уничтожили. Внутренними (профессиональными) мотивами сохранения трансграничной взаимосвязи были естественная необходимость диалога и обмена опытом с зарубежным архитектурным сообществом, сохранение включенности в мировой архитектурный процесс. Внешний (политико-идеологический) мотив был связан с претензиями СССР на место мирового культурного центра и страны «конца всех времен», интегрирующей все достижения прошлого и настоящего [Дэвид-Фокс, 2015; Кларк, 2018].

Анализ документов и профессиональной периодики также показывает, что этап наибольшей «открытости» советской архитектуры 1930-х гг. приходится на 1934–1936 гг. и достигает своего пика в 1935 г., затем уходя на спад, и это полностью коррелирует с периодом расцвета советской культурной дипломатии [Голубев, 2016]. Несомненно, что и «широта взглядов», которая обнаружилась у советской архитектурной номенклатуры во взаимоотношениях с западными коллегами-авангардистами в противовес внутреннему антимодернистскому дискурсу, находилась в русле общей политики советского государства середины 1930-х гг., поддерживающего создание в Европе широкого союза левых сил. В середине 1930-х гг. определились также и новые приоритетные партнеры, пришедшие на смену Германии – прежде всего Франция, а также США, что было, несомненно, связано в целом с трансформациями в системе международных отношений СССР.

При этом важно подчеркнуть, что советское профессиональное сообщество, как и его институция – Союз советских архитекторов, были ориентированы на сотрудничество с западными коллегами, исходя прежде всего из профессионального интереса. Ровно так, как государство использовало архитектуру и ее творцов в своих политико-идеологических интересах, профессиональное сообщество использовало заинтересованность государства в том или ином проекте для малейшей возможности трансграничной коммуникации. Именно сохранение этой ниточки связей с Западом в 1930-е гг. послужило базой для нового этапа взаимного сотрудничества.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00493 «Международные связи советской архитектуры в 1930-е гг.».

Список источников

- ГАРФ. Ф. 5283. ВОКС. Оп. 12. Д. 335. Л. 23. Список членов архитектурной секции ВОКС.
ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 12. Д. 190. Л. 31–3. Докладная записка К.С. Алабяна Л.М. Кагановичу.
ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 12. Д. 46. Протоколы заседаний Комиссии содействия конгрессу CIRPAS.
ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 212. Переписка с экспонентами об участии в выставке «Социалистическая реконструкция городов СССР».
РГАЛИ. Ф. 674. Союз архитекторов СССР. Оп.1. Д. 6. Л. 8 – 13 об. Устав Всероссийского добровольного общества «Союз советских архитекторов».
РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Д. 8. Л. 126–128. Протокол № 1 заседания архитектурной секции ВОКС от 2.9.1932.
РГАЛИ. Ф. 674. Оп.1. Д. 14. Переписка с ВОКС, зарубежными архитектурными обществами и архитекторами об устройстве американской выставки в Москве, обмене информацией и периодическими изданиями по архитектуре.

- РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Д. 18. Доклады К.С. Алабяна, Н.Я. Колли, Д.Е. Аркина, С.Е. Чернышева, подготовленные к XIII Международному архитектурному конгрессу.
- РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 1. Д. 20. Л. 11. Докладная записка К.С. Алабяна об участии советской делегации в XIII Международном архитектурном конгрессе.
- РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 10. Л. 78–83. Список фото для Королевского института британских архитекторов.
- РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 11. Переписка с ЦК ВКП(б) и наркоматами по вопросам подготовки Съезда советских архитекторов.
- РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 21. Л. 88–88 об. Список архитектурных объектов, предлагаемых для публикации в «Антологии современных художников» журнала «L'Architecture d'aujourd'hui».
- РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 22. Переписка с иностранными архитектурными обществами и архитекторами об участии в Съезде советских архитекторов.
- РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 68. Л. 82–83. Протокол заседания Бюро архитектурной секции при ВОКСе.
- РГАЛИ. Ф. 2606. Аркин Д.Е. Оп. 1. Д. 8. Л. 50–56. О задачах работы Союза советских архитекторов.
- Архитектурные записки. Рим – Помпеи – Флоренция – Венеция – Виченца – Париж. Из материалов советской делегации на XIII Международном архитектурном конгрессе в Риме. М.: Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1937.
- Перед Всесоюзным съездом // Архитектура СССР. 1936. № 2. С. 3.

Библиографический список

- Басс В.Г.* Архитектура для внутреннего и наружного употребления: советский павильон на Нью-Йоркской выставке 1939 г. и ансамбль ВСХВ // Шаги. 2016. № 2 (1). С. 82–102.
- Вяземцева А.Г.* Рим первый – Рим Третий: советская делегация на XIII Международном конгрессе архитекторов, 1935 // Россия – Италия: этико-культурные ценности в истории / сост. М.Г. Талалай. М.: Алтейя, 2011. С. 163–179.
- Голубев А.В., Невежин В.А.* Формирование образа советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. М.: ИРИ РАН, 2016. 238 с.
- Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города в СССР / Х. Боденшатц, К. Пост. Berlin: Verlagshaus Braun, 2015. 416 с.
- Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015. 568 с.
- Кларк К.* Москва, четвертый Рим. Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры, 1931–1941. М.: НЛО, 2018. 520 с.
- Коньшева Е.В.* «Бурные аплодисменты, все встают»: иностранные гости на Первом всесоюзном съезде советских архитекторов // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2018а. № 2 (11). С. 228–246.
- Коньшева Е.В.* "Комплекс превосходства": павильон СССР на Всемирной выставке в Париже и советская культурная дипломатия // Quaestio Rossica. Т.6. 2018b. № 1. С. 161 – 182.
- Коньшева Е.В.* Московский конгресс СИАМ: история несостоявшегося события // Вестник Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. Вып. 33, № 1. С. 60–75.
- Коньшева Е.В.* «Произвести впечатление на весь архитектурный мир Запада»: советские архитекторы на XIII Международном архитектурном конгрессе в Риме (1935) // Academia. Архитектура и строительство. 2018с. № 4. С. 144–149.
- Коньшева Е.В.* Советский павильон на Всемирной выставке в Нью-Йорке: поиск и воплощение архитектурного образа // Новейшая история России. 2020. Вып. 10. № 3. С. 715–746.
- Коэн Ж.-Л.* Ле Корбюзье и мистика СССР. Теория и проекты для Москвы, 1928–1936. М.: Арт-Волхонка, 2012. 316 с.
- Самохина Т.Н.* К истории несостоявшегося Международного конгресса современной архитектуры (СИАМ) в Москве // Советское градостроительство 1920–1930-х годов. Новые исследования и материалы. М.: Либроком, 2010. С. 29–37.
- Селиванова А.Н.* Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М.: Букс-Март, 2019. 320 с.

- Хмельницкий Д.С. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 560 с.
- A History of Russian Exposition and Festival Architecture 1700–2014. New York: Routledge, 2018. 328 p.
- Architecture of Great Expositions 1937–1959: Messages of Peace, Images of War. New York: Routledge, 2016. 227 p.
- Bellat F. France – URSS: Regard sur l'architecture (1931–1958): PhD Dissertation, Department of Art History and Archeology. Paris: West University Nanterre La Défense (University of Paris), 2007.
- Bellat F. Amériques – URSS: Architectures du défi. Paris, 2014. 304 p.
- Cohen J.-L. Building a New World: Amerikanizm in Russian Architecture. Yale University Press, 2021. 544 p.
- Flierl T. The 4th CIAM Congress in Moscow. Preparation and Failure (1929–1933) // Quaestio Rossica. 2016. Vol. 4, № 3. P. 19–33.
- Hnídková V. Moskva 1937. Architektura a propaganda v západní perspektivě. Praha: Prostor, 2018. 184 p.
- Hudson H.D. Blueprints and Blood: the Stalinization of Soviet architecture, 1917 – 1937. Princeton: Princeton University Press, 1994. 262 p.
- Russian Art and the West: a Century of Dialogue in Painting, Architecture and the Decorative Art. Northern Illinois University Press, 2007. 256 p.
- Udovički-Selb D. Facing Hitler's Pavilion: The Uses of Modernity in the Soviet Pavilion at the 1937 Paris International Exhibition // Journal of Contemporary History. 2012. Vol. 47. № 1. P. 13 – 47.
- Udovički-Selb D. Between Vanguard and Establishment: Boris Iofan's Two Pavilions—Paris 1937 and New York 1939 // A History of Russian Exposition and Festival Architecture 1700–2014. New York: Routledge, 2018.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.12.2019

“OUR ARCHITECTURE HAS LONG ACQUIRED GLOBAL SIGNIFICANCE”: INTERNATIONAL CONTACTS OF THE UNION OF SOVIET ARCHITECTS IN THE 1930s

E. V. Konysheva

South Ural State University, Lenin ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russia

e_kon@mail.ru

ResearcherID: AAD-2103-2020

Scopus Author ID: 57194777659

The article is focused on the international contacts of the Soviet architecture in the 1930s. The direct object of the research is the cross-border communications of the Union of Soviet Architects: the tasks and forms of contacts of Soviet architects with foreign colleagues and institutions, as well as the role of the Union of Architects in this process; mechanisms of interaction with the authorities and tactics of the professional community in the context of regulation and control of international relations; conflicting nodes of state and professional interests. It is shown that in its international contacts, the Union of Architects did not appear as an independent actor, as it did not have institutional independence in international communications, autonomy in decision-making and its own resources for the implementation of projects. The institutional nature of the interaction prevailed; personal contacts were minimized and included into collective strategies. The international activity of the Union of Architects was part of the state policy of “cultural diplomacy” and had not only a professional, but also a propaganda-ideological component. The authorities ignored the professional motives of the architectural community if they did not coincide with governmental tasks. However, it is shown that the Union of Architects had its own tactics and realized its professional interests, using the interest of the state in a particular project. As a result, the thesis is presented that state regulation and total control sharply narrowed the possibilities of cross-border communications of the architectural community, distorted their forms and contents, but did not destroy them. The discovery and study of new documents shows that the myth of the cultural autarchy of the Stalinist USSR is not confirmed by the example of an architectural field.

Key words: the Union of Soviet Architects, cross-border contacts, the 1930s, state control, cultural diplomacy.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 18-012-00493 “International Connections of the Soviet Architecture in the 1930s”.

References

- Aronova, A. & A. Ortenberg, (eds.) (2018), *A History of Russian Exposition and Festival Architecture 1700–2014*, Routledge, New York, USA, 328 p.
- Bass, V.G. (2016), “Architecture for domestic and outside use: the Soviet Pavilion at the New York exhibition of 1939 and the VSKhV Ensemble”, *Shagi*, no 2, pp. 82–102.
- Bellat, F. (2007), *France-URSS: Regards sur l’architecture (1931–1958)*, PhD dissertation, Paris West University Nanterre La Défense (University of Paris X), France, 304 p.
- Bellat, F. (2014), *Amériques-URSS: Architectures du défi*, Éditions Nicolas Chaudun, Paris, France, 304 p.
- Blakesley, R. P. & S. E. Reid (eds.) (2007), *Russian Art and the West: a Century of Dialogue in Painting, Architecture and the Decorative Art*, Northern Illinois University Press, DeKalb, USA, 256 p.
- Clark, K. (2018), *Moskva, chetvertyy Rim. Stalinizm, kosmopolitizm i evolyutsiya sovetskoy kul'tury* [Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, cosmopolitanism and the evolution of Soviet culture, 1931 – 1941], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 520 p.
- Cohen, J.- L. (2012), *Le Korbyuz'e i mistika SSSR. Teorii i proekty dlya Moskvy 1928 – 1936* [Le Corbusier and the mysticism of the USSR. Theories and projects for Moscow 1928 – 1936], Artvolchonka Publ., Moscow, Russia, 316 p.
- Cohen, J.- L. (2021), *Building a new New World: Amerikanizm in Russian Architecture*, Yale University Press, New Haven, USA, 544 p.
- David-Foks, M. (2015), *Vitriny velikogo experimenta. Kulturnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941* [Showcasing the great experiment. Cultural diplomacy and Western visitors to the Soviet Union, 1921–1941], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 568 p.
- Flierl, T. (2016), “The 4th CIAM Congress in Moscow. Preparation and Failure (1929–1933)”, *Quaestio Rossica*, vol. 4, pp. 19–33.
- Golubev, A.V. & V.A. Nevezhin (2016), *Formirovanie obraza sovetskoy Rossii v okruzhayushchem mire sredstvami kul'turnoy diplomatii, 1920-e – pervaya polovina 1940-h gg.* [Formation of the image of Soviet Russia in the outside world by means of cultural diplomacy, the 1920s – the first half of the 1940s], IRI RAN, Moscow, Russia, 238 p.
- Gradostroitel'stvo v teni Stalina. Mir v poiskah socialisticheskogo goroda v SSSR* (2015) [Urban planning in the shadow of Stalin. The world in search for a socialist city in the USSR], Verlagshaus Braun, Berlin, Germany, 416 p.
- Hnídková, V. (2018), *Moskva 1937. Architektura a propaganda v západní perspektivě*, Prostor, Praha, Czech Republic, 184 p.
- Hudson, H.D. (1994), *Blueprints and blood: the Stalinization of Soviet architecture, 1917–1937*, Princeton University Press, Princeton, USA, 262 p.
- Khmel'nitskiy, D.S. (2007), *Arkhitektura Stalina. Psihologiya i stil'* [Stalin’s architecture. Psychology and style], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia, 560 pp.
- Konysheva, E.V. (2018 b), “«Complex of superiority»: pavilion of the USSR at the world exhibition of 1937 and the Soviet cultural diplomacy”, *Quaestio Rossica*, vol. 6, pp. 161–182.
- Konysheva, E.V. (2018 c), “«To impress the whole architectural world of the west»: Soviet architects at the 13th International Congress of Architects in Rome (1935)”, *Akademiya. Arkhitektura i stroitel'stvo*, № 4, pp. 144–149.
- Konysheva, E.V. (2018 a), “«Stormy applause, everyone gets up»: foreign guests at the First All-Union congress of the Soviet architects”, *Voprosy vseobshhey istorii arkhitektury*, vol. 11, pp. 228–246.
- Konysheva, E.V. (2019), “The Moscow congress of CIAM: the history of event that did not happen”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya kul'turologiya i iskusstvovedenie*, vol. 33, pp. 60–75.
- Konysheva, E.V. (2020), “The Soviet pavilion at the world exhibition in New York: search and implementation of an architectural image”, *Noveyshaya istoriya Rossii*, vol. 10, № 3, pp. 715–746.

- Paperny, V., Devos, R. & A. Ortenberg (eds.) (2015), *Architecture of Great Expositions 1937–1959: Messages of Peace, Images of War*, Routledge, New York, USA, 227 p.
- Samohina, T.N. (2010), “On the history of the failed International Congress of Modern Architecture (CIAM) in Moscow”, in Kosenkova, J.L. (ed.), *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920-h–1930-h godov. Novye issledovaniya i materialy* [Soviet urban planning of the 1920s – 1930s. New research and materials], Librokom, Moscow, Russia, pp. 29–37.
- Selivanova, A.N. (2019), *Postkonstruktivizm. Vlast' i arhitektura v 1930-e gody v SSSR* [Postconstructivism. The power and architecture in the 1930s in the USSR], BuksMart, Moscow, Russia, 320 pp.
- Udovički-Selb, D. (2012), “Facing Hitler’s Pavilion: The Uses of Modernity in the Soviet Pavilion at the 1937 Paris International Exhibition”, *Journal of Contemporary History*, vol. 47, no 1. pp. 13–47.
- Udovički-Selb, D. (2018), “Between Vanguard and Establishment: Boris Iofan’s Two Pavilions – Paris 1937 and New York 1939”, in *A History of Russian Exposition and Festival Architecture 1700–2014*, Routledge, New York, USA.
- Vyazemtseva, A.G. (2011), “Rome the first - Rome the Third: the Soviet delegation at the 13th International Congress of Architects”, in Talalay, M.G. (ed.), *Rossiya – Italiya: ehtiko-kul'turnye tsennosti v istorii* [Russia – Italy: ethical and cultural values in history], Alteya, Moscow, Russia, pp.163–179.